

Иван Бакунин

18+

МОЗАМБИК

Иван Бакунин

Мозамбик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69148006

ISBN 9785005987662

Аннотация

Эта история основана на реальных событиях, произошедших с советскими специалистами в 1983 году в Мозамбике. Оказавшиеся по разным причинам в далёкой африканской стране, советские граждане вынуждены бороться за свою жизнь и спасение своих товарищей.

Содержание

1	5
2	28
3	47
4	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Мозамбик

Иван Бакунин

© Иван Бакунин, 2023

ISBN 978-5-0059-8766-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

– Зачем?! Отец! Ты спятил! – закричал Сергей.

Он сидел на берегу озера и бросал камешки в воду. Сгустились сумерки. Сергей почувствовал сзади какое-то движение. Не зверь ли? Он обернулся и увидел отца в выцветшей зелёной спецовке с топором в руке. У него было серое злое лицо. Отец надвигался на него. Крики сына не произвели на него никакого впечатления. Сергей понимал, что его спасение в озере. Можно было броситься в холодную воду и поплыть, но ноги его словно вросли в землю. Отец подошёл совсем близко и начал поднимать руку с топором.

– Нет! – завопил Сергей.

Как глупо умирать в тридцать лет.

Топор завис над ним и плавно опускался в направлении его головы. Сергей закрыл глаза. Весь его мир заполнила тьма, а потом чувство ожидания боли, мучений и конца. Потом он словно закружился, как что-то очень маленькое почти невесомое в тёмном хаосе образов и картин. Это и есть смерть? Странно, но мозг продолжал думать. Разум – это единственное, что от него осталось.

Сергей открыл глаза и увидел маленькую комнату с белыми стенами. Сквозь маленькое окно уже пробивался молочный свет. Тяжёлый выдох. Это был всего лишь сон – страшный и навязчивый. Ему уже снилось нечто подобное пять ме-

сяцев назад. Сергей перевернулся на другой бок. Светлана крепко спала. У неё было красивое немного курносое лицо, русые прямые волосы и ярко-голубые глаза. Сергей долго смотрел на неё. Скоро она проснулась: открыла глаза и снова закрыла, промурлыкала что-то непонятное. Сергей улыбнулся и начал вставать.

– Сколько время? – спросила, продирая глаза Светлана.

– Половина шестого, – ответил Сергей.

– Можно было поспать ещё полчаса.

– Не спится.

Сергей взял на подоконнике из пачки сигарету и спички. Рядом с окном была дверь, ведущая на маленький балкончик со стулом. Сергей сел на него и закурил.

– С чего ты взял привычку курить – никогда же не курил, – ворчала Светлана, вставая с кровати.

– Тут все курят.

– Неправда – Улыбин не курит.

– Так то Улыбин.

Светлана стала перед зеркалом, расправила ночнушку и принялась расчесывать волосы.

– Ты кричал во сне.

– Мне приснился страшный сон.

– Что именно?

Положив расческу на комод, Светлана подошла к открытой двери балкона.

– Ерунда это всё, обычный кошмар.

– Что-то связанное с войной?

– Отец как-будто пытался меня зарубить топором.

Светлана положила ладонь на левую грудь.

– Это его проклятье. Он хочет нашей гибели.

– Перестань нести этот мракобесный бред. Ты же сама говорила, что сны сбываются только с четверга на пятницу, а сегодня понедельник.

Сергей затушил окурок в пепельнице, вышел с балкона, подвинув Светлану и мягко обнял её.

– Сны это всего лишь отражение наших мыслей и воображаемых нами образов, – сказал он и поцеловал Светлану в нос.

– У меня плохое предчувствие. Давай ты никуда не поедешь сегодня.

Сергей усмехнулся.

– Любовь моя, это невозможно. На фига мы припёрлись на этот край света? Надо работать и зарабатывать деньги.

Сергей и Светлана Ломовские жили в маленькой квартире с двумя комнатами, кухней и ванной на втором этаже в двухэтажном кирпичном доме, построенном колонистами португальцами в центре Нампулы. Эта квартира считалась приличной по меркам Мозамбика и даже Союза, где обычные граждане иногда ютились в коммуналках и бараках. Сергей и Светлана работали в «Зарубежгеологии»: он геологом, она бухгалтером.

Было 22 августа 1983 года. В Мозамбике это была зи-

ма, так как эта африканская страна протянулась вдоль побережья Индийского океана ниже экватора. Зимой здесь было жарче, чем в России летом. Ранним утром солнце палило не так жестоко. Сергей вышел из дома, прошёл немного по улице и оказался на площади у Собора Богоматери Фатимской. В самом слове колонизатор чувствовалось что-то нехорошее, неприятное; и всё же португальские эксплуататоры умудрились оставить после себя много красивого. А что новые коммунистические власти Мозамбика? Какой от них останется след? Пока они ещё не создали ничего существенного, замечательного; но это им обязательно помогут исправить советские специалисты. Сергей не сомневался в этом. Он улыбнулся сам себе, своим мыслям. На площади стояли два серых автобуса, которым было лет пятнадцать или двадцать. Не было сомнений, что они остались также от «проклятых» колонизаторов. Сергей вошёл в один автобус, который был заполнен наполовину. Сзади сидели Алешков и Скороспелов. Поприветствовав всех сидящих, Сергей двинулся к ним и сел между ними.

Скоро автобусы тронулись и двинулись из города на юго-запад в дальний угол провинции. За рулём сидел темнокожий местный житель в серой майке и болотного цвета шортах. В автобусах кроме советских специалистов ехала местная вооружённая охрана. Скороспелов читал в дороге журнал «Новый мир». Шоссе закончилось, дальше было что-то вроде грунтовой дороги. Пассажиров немного укачивало.

Путь составлял около двухсот километров. Ехали около трёх часов.

Автобусы высадили Сергея и его спутников на руднике Морруа. Смена уже ожидала их. Работали геологи и рабочие вахтовым методом по две недели.

Траншеи и ямы, вырытые экскаватором; горки грунта около буровых установок и несколько построек, где жили работники рудника и охрана, окружённые саванной – это и был рудник Морруа. Иногда геологи с рабочими уходили далеко от стоянки для исследования залежей новых пород и траншеи с ямами появлялись в километре, а то и дальше от центра рудника. В задачу Сергея входило исследование нового накопленного материала на предмет его ценности и оценки. На руднике были обнаружены приличные залежи редкоземельные металлов тантала и ниобия. Было здесь и железо.

Первый день новой вахты прошёл буднично, вяло, без интересных открытий и событий. Рабочие делали большие перерывы в работе. Бригадир Самохин смотрел на это снисходительно. Ребятам можно было понять – при таких условиях, погоде и климате много не наработаешься. Сергей порой думал, что зря ругают африканцев за лень и разгильдяйство – сама природа тут будто шептала: «ляг, полежи и отдохни». Он совсем забыл про дурной сон. К концу дня ему хотелось лечь спать пораньше. Отдыхали в двух постройках, в которых были установлены в каждой по пятнадцать коек. Эти домики были похожи на корпуса в летних пионерских лагерях,

только стены в них были тоньше, не было пионервожатых и разрешалось играть в азартные игры. Когда Сергей расположился для сна на своей койке в самом дальнем углу домика, у входа за столом резались в карты Алешков, Самохин, Скороспелов и Табатадзе. Играли в очко на мозамбикские деньги. Входивший в домик замбригадира Улыбин, сделал замечание игрокам:

– Потише, ребята.

Он был ниже в должности Самохина, но вёл себя так, будто бы тот напротив находился в его подчинении.

– Мы и не шумим особо, Глеб Михайлович, – оправдывался Самохин.

Улыбин прошёл в глубь домика и лёг рядом с Сергеем.

В ночь на вторник Сергей спал крепко и ему снился какой-то сумбур, а потом море или океан. Он давно думал со Светланой о поездке на море. Они ни разу не отдыхали на морских курортах. Море было светло-серым. Вверху небо было белёсым от яркого солнечного света, как в Мозамбике. Сергей вошёл в море, а перед ним плескалась и дурачилась светловолосая красавица в голубом купальнике. Она залиристо смеялась и манила за собой Сергея. Это была Лена Шишкина. Он тогда подумал во сне, как она притягательна и обворожительна. Это была настолько искренняя мысль, настолько же и страшная. А как же Света? Она столько значит в его жизни, что перевернула её, перекрутила так, что он оказался теперь в Африке в Мозамбике. Но его влекло

к Елене. Разве одна лишь мысль не есть уже измена? И он пошёл к Елене. И сблизился бы с ней, если бы не очнулся от непонятого звука похожего на хлопок. Вокруг было темно. Все спали. У входа в домик ворочался Табатадзе и зверски храпел Янушев. Что это было? Может быть, военные что-то испытывают, проверяют. Почему ночью? Значит, так надо. Сергей успокоил себя и вспомнил сон. Елена была хороша. Во сне, а сон – это не действительность, в которой он верен Светлане.

Сергей проснулся в семь часов одним из первых. Он вышел из домика и даже успел принять душ перед завтраком.

В столовой представлявшей собой помещение без стен, лишь с оградками и крышей над головой народ собрался на завтрак к восьми часам. Некоторые к этому времени успели поесть и разбрелись, кто куда. Ели неторопливо. Еда была неплохой по советским меркам. Для специалистов, работающих за рубежом, государство не экономило на еде и зарплатах. В этот раз в меню были рисовая каша, яйца и бутерброды с маслом и сыром с хорошим кофе в придачу, который был дефицитом в Союзе.

Сергей жевал медленно бутерброд, запивая его горьким кофе. Напротив него сидели Алешков и Скороспелов.

– Надоела уже эта Африка, – пожаловался Скороспелов.

– Ничего ты не понимаешь в романтике и экзотике. Это лучше чем прозябать в Союзе. Будет что вспомнить на старости лет. Внукам будешь рассказывать, как помогал афри-

канским братьям по соцлагерю строить новое процветающее общество, – то ли в шутку, то ли всерьёз заметил ему Алешков.

Что-то грохнуло. Грохнуло так, что все сидевшие невольно вжали плечи. Сергей обратил взгляд на площадь рудника. К домику шли африканцы в серых беретах и зелёной форме с калашниковыми в руках. Шедший впереди поднял руку с автоматом вверх и стрельнул ещё два раза одиночными выстрелами.

– Кто это? – спросил Улыбин, выглядывая из столовой, когда другие геологи, кто пригнулся, кто попятился назад.

Алешков быстро нашёлся:

– Сзади овраг, скорее к нему, там можно спрятаться.

В столовой находилось двенадцать советских специалистов и рабочих. Двое из них медленно начали двигаться в сторону оврага. Другие поглядели на Улыбина.

– Не надо поддаваться панике, товарищи. Нас тут никто не должен тронуть. Мы мирные люди, а не военные. Это возможно учения, проверки. А, если и нет, то охрана защитит нас, – объявил Улыбин.

Африканцы в военной форме ходили около построек. У тех, кто находился в столовой было по крайней мере ещё секунд сорок пять, чтобы бежать.

– Это РЕНАМО, повстанцы, мать их, – понял, кто нанёс визит на рудник, Скороспелов.

– Кто бы сомневался. И где наша доблестная охрана? –

язвил Алешков.

– Я их видел там, – Табатадзе указал рукой в сторону оврага, – они сбежали.

Алешков хотел было дёрнуться к оврагу, но Скороспелов положил ему руку на плечо. Было уже поздно. К ним шли трое африканцев, угрожая автоматами.

– Выходи. Все, выходите, туда, – приказывал один из них на португальском.

Многие советские специалисты успели выучить в той или иной степени португальский язык, который понимало большинство населения Мозамбика.

Все вышли из столовой. Другие специалисты выходили из других помещений. В пятидесяти метрах у бульдозера возникла, какая-то возня, а потом прозвучало три одиночных выстрела. Повстанцы расстреляли бульдозериста Ивашова. Сергей шёл рядом с Алешковым и Скороспеловым. Их окружили пятнадцать повстанцев. Ещё двое осматривали гараж. Где-то прогремели ещё несколько выстрелов. Так был убит водитель Яковенко.

– Ну, что, товарищ парторг, говорили нас никто не тронет, – предъявил Улыбину Алешков. – А ведь у нас был шанс бежать.

– Чего ты к нему привязался, кто знал, что так получится, – заступился за Улыбина геолог Фролкин.

– Прав был, Юрка, а парторг загубил нас, – поддержал Алешкова завхоз Янушев.

– Хватит вам собачиться, – сказал Сергей. – Не время. Давай делать вид, что мы им подчиняемся.

– Что мы им плохого сделали? Может быть, они нас не убьют, – переживал Янушев.

– Да не ной ты, и так тошно, – осадил его геолог Ленивцев.

Повстанцы построили всех советских специалистов в ряд и пересчитали, насчитав всего двадцать четыре человека. Не доставало, кроме убитых Ивашова и Яковенко, бригадира Самохина и техника Тарасова. Самохин спрятался на пищевом складе, за холодильниками, а Тарасов под дизельным генератором, который давал электричество всему руднику. Их не обнаружили повстанцы. Они благополучно дождались прибытия на рудник правительственных войск.

– Вперёд, – скомандовал один из повстанцев, сухой и высокий.

– Живее, живее, – приговаривали другие вояки, тыкая стволами автоматов в советских спецов.

Геологов и рабочих вывели с территории рудника и двинулись по саванне.

Сергей шёл рядом с Алешковым и Сокроспеловым, позади них пыхтел Фролкин.

– Нас не убили, видимо, мы нужны им живыми, – рассуждал вслух Сергей.

– А тех двух пристрелили, – напомнил Скороспелов.

– Для острастки, – предположил Фролкин. – Чтобы не пытались убежать.

Привал устроили только вечером. Весь день прошли по саванне, не встретив ни одной деревушки, ни одного человека. Часть пленников разместились под железным деревом, другая меньшая в тени кустарника. Пленникам дали воды и чуть позже каши из кукурузной муки небольшими порциями.

Сергей еле насытился кашей. Всё-равно хотелось есть. В то же время накопленная усталость клонила в сон. Он приклонился спиной к дереву и закрыл глаза. Что сейчас происходит со Светланой? Она наверняка узнала о случившемся с ними. Проходивший мимо него Ленивец хлопнул его плечу, подбодрив:

– Не переживай – наши скоро нас освободят.

И ушёл к компании, расположившейся у кустарника.

– Ага, оптимист, освободят, как же, – пробурчал, сидевший слева от Сергея Алешков.

– Ты сомневаешься в этом? – спросил Скороспелов.

– Как бы нас не пристрелили, прежде чем до нас доберутся наши, – продолжал предаваться унынию Алешков. – Всё этот член партии Улыбин. Если бы не он – могли бы уйти по оврагу.

– Одно слово член, – поддержал его Скороспелов.

Оба усмехнулись. И даже Фролкин.

– У меня батя тоже член партии, – признался Сергей.

– И что такого – таких половина Союза наверно, – заметил Алешков. – И у нас тут их до фиги. Он не просто член,

а парторг.

– Мой батя тоже имеет чин в партии. Шишка.

– Он завтра позвонит самому Андропову и тот поднимет на уши всё КГБ и Министерство обороны, – обрадовался Скороспелов.

– Да нет, он не такого масштаба шишка. На областном уровне, и то, не самый главный.

***

Отец Сергея тоже Сергей – Сергей Николаевич Ломовский много лет провёл на партийной работе, куда его призвали с завода, где он начинал, как инженер. Жили Ломовские в Петрозаводске. Старший Ломовский был одним из заместителей главного партийного чина республики. Сергей Николаевич возлагал большие надежды на старшего сына, которого не зря, как ему казалось назвали в честь него. Сын закончил горный университет. По настоянию отца он был комсомольцем, а потом вступил и в партию. Единственный недостаток был у Сергея-сына – он не служил в армии. Здоровье подвело. Отец какое-то время был недоволен этим обстоятельством, а потом смирился – ну и пускай так. Можно пойти дальше по научной линии, а ещё лучше по партийной. Отец каждый вечер читал газету «Правду», а иногда партийные журналы с карандашом. Ему хотелось обсуждать с сыном политические проблемы с точки зрения марксизма-ленинизма, но Сергею это было не очень интересно. Из почтения к отцу он пытался понять суть проблемы и порой угады-

вал то, как надо было ответить на какой-нибудь очередной вопрос про положение дел в Гондурасе или ЮАР. У Сергея был младший брат Егор, который с трудом закончил школу. В институт его можно было устроить только по блату. Отец понимал, что Егор не тот человек, от которого может быть хоть какой-то толк в науке или профессии, требующей больших знаний. Сергей Николаевич давно грозил ему ПТУ, но это и было то, что тому приходилось по душе. Егор отучился на токаря, отслужил в армии и работал на заводе. Иногда он выпивал в сомнительных компаниях. Сергей Николаевич и не надеялся, что из него выйдет что-то путное. А потом рухнули все его надежды относительно блестящего будущего старшего сына. Как-то он огорошил родителей новостью:

– Папа и мама, я хочу жениться.

Света была красива особой русской красотой: курносая, с веснушками, русоволосая; она никогда не пользовалась косметикой. И ещё умница. Она закончила педагогический вуз и готовилась преподавать математику в школе. При встрече она произвела прекрасное впечатление на Сергея Николаевича. Он был рад за сына и себя, воображая чудесных внуков: умных, красивых и спортивных. Но партийная чуйка его не подвела. На следующей день после знакомства со Светой он позвонил другу кgbэшнику Николаю, попросив того навести справки о будущей снохе. К концу того злосчастливого дня Николай доложил другу о его потенциа-

ных будущих родственников. Дед Светы был бывший поп. Он был ещё жив. Дедушка сидел в лагерях, а по освобождении работал на не самых престижных работах: что-то сторожил или разгружал вагоны. Это по маминной линии. По отцовой ветке всё обстояло ещё ужаснее. Дед Никодим был из купцов. Его расстреляли за что-то ещё в двадцатые годы. По некоторым сведениям он состоял в подпольной организации, противостоящей большевикам. Папа Светы Вадим был тот ещё фрукт. Он сознательно не вступал ни в партию, ни в комсомол. Он был инженером. Помимо основной профессии папаша Светы овладел несколькими рабочими специальностями, чтобы ездить на заработки на север. «За длинным рубриком погнался. Проснулась купеческая, кулацкая крошечка», – мысленно судил человека, которого не знал Сергей Николаевич. Отец Светы погиб из-за несчастного случая – его придавило деревом. Так рассказали родственникам. От него вдове жене, тестю и Свете досталась кооперативная трёхкомнатная квартира, которую он приобрёл на заработанные на северах деньги.

– Как ты мог связаться с этой конторой! – орал на сына отец, когда тот пришёл домой с работы на следующий день после знакомства родителей со Светой.

– Папа, гражданская война давно уже кончилась, – пытался утихомирить отца Сергей.

– Это тебе так кажется.

Мама Сергея, Елизавета Викторовна, стояла у двери, ве-

душей в кухню и наблюдала за происходящим, предпочитая не влезать в мужские выяснения отношений.

Сергей сел на стул в углу прихожей и понуро опустил голову.

– Я люблю её, отец.

– Это не любовь, а бред! – орал глубокопартийный родитель.

– Нет. Я её не брошу.

– Ты спятил! Хочешь поставить крест на карьере?!

– Плевал я на карьеру. Я не карьерист.

Сергей пошёл в свою комнату, где бросил несколько самых необходимых вещей в большой рюкзак.

Отец наблюдал за ним. Сергей вышел из комнаты с рюкзаком в руке и пошёл к входной в квартиру двери.

– Ты хочешь сказать, что так просто покинешь отчий дом?! – злился отец.

– А что мне остаётся делать? А ты отец ведёшь себя не как коммунист, но как типичный русский помещик, которому не понравилось, что его сын хочет жениться на крепостной.

– Что?! Вон!

С детства Сергей много болел. Он был слаб телом, так что с трудом получал по физкультуре тройки в школе. Лицо его было симпатичным, и всё же его повадки и настрой создавали образ крайне болезненный и отталкивающий. У Сергея была язва желудка, из-за которой его не взяли в армию. О женщинах он не думал; вернее думать-то думал,

но не представлял себе, что у него когда-нибудь случится любовь, взаимное притяжение; так что потом захочется прожить всю свою жизнь с этим человеком. Сергей был уверен, что ему лучше быть одному. Сама природа указывала на это. Если бы он не был коммунистом, то бы мог сослаться также на судьбу. Мужуку сила нужна, чтобы тащить семью и быть каменной стеной для жены и детей, а от Серёжи какой был толк? Умный да с умом особенно не разгонишься в любовных делах, если физической силы и воли не достаёт. Однако случилось и с ним, то что бывает с другими мужчинами и даже юношами. Влюбился он смертельно. Был день рождения его друга тоже геолога Димы. Света была одной из подруг Диминой жены. Она была скромна и тиха тогда. Серёжа выпил немного вина и ему стало ещё больше не по себе, и в то же время он осмелел. Сергей пригласил Свету покурить в подъезд за компанию. Света не курила, но согласилась с ним постоять. Разговорились. Света разбиралась не только в математике. Она много читала; предпочитая Дюму, Драйзера, Чехова и Тургенева. Сергей после той встречи не хотел расставаться со Светланой ни на минуту. Они встретились на следующий день и пошли в кино, на другой день в парк. Через неделю они в первый раз поцеловались. Сергей не побоялся признаться в том, что он девственник в двадцать пять лет. У Светы тоже никого ещё не было в двадцать один год. Они стали близки в первый раз в квартире Светы, когда в ней никого не было.

Противно молотил по лужам, земле и крышам августовский нудный дождь. Сергей курил у подъезда Светы, не решаясь пойти к ней. На конец, он взял себя в руки и поднялся на третий этаж. Открыла Света. Он попросил её выйти в подъезд, чтобы поговорить с ним. Сергей рассказал всё, как есть. Светлана взяла его рюкзак и внесла в квартиру. Они пошли в её комнату. Светлана спросила:

– Ты уверен, что тебе нужна такая подруга жизни?

– Не подруга, но жена. Мы поженимся.

– Весь мир против нас.

– Не весь, всего лишь мой папа, а он не господь бог.

Какое-то время они пожили в Светиной квартире. Потом переехали в комнату в общежитии, выделенную Сергеем от республиканского отделения геологоразведки. Они поженились без свадьбы. Скромно посидели в обществе мамы Светы, её бабушки и Егора. Егор явился на свадьбу поддержать брата.

Света отделала их комнату в общежитии так, что в ней было уютней, чем в иных квартирах. Она поклеила голубые обои на стены, повесила сиреневые шторы. На подоконнике выстроились горшки с цветочками. Идиллия Ломовских обрывалась командировками Сергея. Светлана честно ждала мужа. Скучать времени не было – так как в школе обычно было много работы. Летом Светлане было грустно без Сергея – занятий в школе не было. Она старалась чаще навещать мать и деда. Сергея отправляли на геологоразведку как пра-

вило в Мурманскую, Архангельскую области, Коми. Иногда он искал полезные ископаемые в родной Карелии.

В то лето Сергей был в командировке в Коми. Светлана поздно вернулась в общежитие. Она шла ночью по коридору к своей комнате, которая находилась в самом его конце у окна. Коридор слабо освещала обляпанная чем-то белым лампочка. У окна была открыта форточка, а рядом курили два типа с размытыми лицами, будто кто-то поленился чётко вывести их детали и нарочно сделал такими мутными и красными. Им было близко к сорока годам. У одного большеголового на пальцах были татуировки. Эти недочеловеки были изрядно пьяны. Светлана хотела сделать им замечание по поводу курения, но те опередили её:

– Куда чешешь, красавица? К нам в гости? – большеголовый ослабил гнилые зубы.

Светлана словно проглотила язык. Они стояли около её двери.

– Заходи не бойся, уходи не плачь, – молвил второй с головой в форме огурца и серыми выцветшими рыбьими глазами.

– Я к себе, – пролепетала неуверенно Светлана и полезла в сумочку за ключом.

– Потом к себе, а сначала к нам.

Большеголовый поймал её за руку. Светлана пыталась неудачно вырваться.

– Я буду кричать.

Рыбьеглазый ладонью закрыл ей рот и обхватил сзади.

– Ну чего ты ломаешься, как недоторога, – приговаривал он. – На клык берёшь?

– Сейчас проверим, – большеголовый пытался ухватить Светлану за ноги и потащить к противоположной двери от двери ведущей в комнату Ломовских.

Светлана сопротивлялась, пыталась вырваться. Когда подонки пытались затащить её в дверь, она упёрлась в стену ногами и на её счастье в коридор вышел усатый жилец общаги в тельняшке.

– Что тут происходит?

– Всё нормально, милчеловек. Вот хозяйка устала, не рассчитала дозу, мы её хотим спать положить и постелю уже приготовили, – разъяснил обстановку большеголовый.

– А ну прекратите, не то я милицию вызову, – настоял усатый.

И Светлану отпустили. Она убежала из общаги и больше в неё не возвращалась, поселившись в родительской квартире.

Сергей вернулся через три дня. Узнав о произошедшем он настоял на том, чтобы Светлана написала заявление в милиции. Уродов чуть не совершивших насилие нашли. Это были жители Мурманской области. Они помогали геологу из общаги в его работах когда-то и приехали к нему погостить. В ту злополучную ночь геолог сильно напился и был в крепкой отключке, когда его приятели хотели поразвлечь-

ся с его соседкой неподобающим способом. Он немного знал Ломовских и сокрушался по поводу случившегося, говорил, что не ожидал такой подлости от своих гостей. Дело на него-даев так и не завели, так как состава преступления не случилось. Они откровенно валяли дурака и на допросах говорили, что, дескать таким глупым способом хотели напугать соседку только и всего. Мерзавцы уже бывали в местах не столь отдалённых и знали, как можно отмазаться от такого преступления, которое очень трудно доказать. В милиции не любили возиться с такими делами и не один раз намекали Сергею, что перспективы наказать злодеев приближаются к нулю. И в итоге Светлана забрала заявление.

Светлане было страшно выходить на улицу какое-то время. Сергею пришлось отказаться от командировок и работать в конторе, пока Свете не предложили работу в Ленинградской области в Кингиссепском районе в сельской школе. Школа сразу выделила новому учителю добротный двухкомнатный деревянный дом. Сергей быстро перевёлся в ленинградское отделение геологоразведки. На работу ему приходилось теперь добираться на автобусе и электричке, но он был доволен Ленинградом. Бывшая имперская столица впечатлила его своим особым духом. В выходные дни Ломовские выезжали в Ленинград и гуляли по паркам, посещали музеи и театры. Сергей начал обрывать в городе на Неве новыми друзьями и товарищами. В деревне, где они жили было спокойно. С соседями у них сложились дружеские, тёплые

взаимоотношениями. Светлана дружила с двумя учительницами своего возраста. Однажды она пришла очень грустная с работы, а Сергей в тот день находился дома на больничном. У него была простуда.

– Ты чего такая смурная? – заметил он.

– Любка беременна.

Это была одна из тех самых школьных подруг.

У них никак не получалось зачать ребёнка.

В ту ночь Света проснулась и не обнаружила рядом Сергея. Она встала, накинула на плечи кофту и вышла в прихожую. Дверь на улицу была приоткрыта. Светлана выглянула за дверь. Сергей стоял около яблони и курил. Была середина осени. Сергей был в трусах, майке, сапогах и сверху накинул на плечи телогрейку. Светлана подошла к нему.

– Что с тобой?

– Это всё из-за меня наверно.

– Перестань. Не надо тебе так много курить. У тебя и так здоровье никудышное и язва.

– Достался тебе инвалид.

Светлана обняла мужа со спины, положив ему голову на плечо.

– Не терзай себя, будь как будет. Насмотришься на детишек в школе и сто раз подумаешь, стоит ли их заводить.

– Ты же говорила, что они тебя слушают.

– Слушают да не все же.

– Надо врачам показаться. Я в Ленинграде врача найду

хорошего.

– В Ленинграде. Как там хорошо.

– Хотела бы в нём жить?

– Конечно.

– Так и будет.

– Не говори ерунды.

Скоро Сергей нашёл в Ленинграде врача, занимавшегося проблемами бесплодия. Врач назначил ему и Светлане сдать анализы. После их результатов он сказал Сергею:

– Точно я не могу сказать, в чём проблема вашей бесплодности, но боюсь всё дело в вас, молодой человек.

– Я так и думал, – опечалился Сергей.

– Не отчаивайтесь – это не стопроцентная невозможность иметь детей. У вас сперма не очень высокого качества, но, возможно, дело не в ней. Попробуйте найти другого специалиста.

Сергей рассказал всё, как есть Свете. Света только улыбнулась.

– Я люблю тебя всё равно.

– А дети?

– Дети должны рождаться только в любви, а не потому чтобы было, как у всех.

Однажды Сергею предложили поехать в командировку в Мозамбик. Он был коммунистом и находился на хорошем счету у начальства. Платить обещали большие деньги. За год или два можно было накопить приличную сумму.

– Мы купим кооператив в Ленинграде и твоя мечта сбудется, – порадовал жену Сергей.

– Мозамбик? Африка? Там не воюют случайно?

– Я же не воевать еду, а помогать строить новую жизнь людям.

– Я еду с тобой.

2

Пленники, погоняемые повстанцами, брели по саванне второй день. Помимо жары с севера повеяло дымом. Люди жгли растительность, чтобы избавиться от мухи цэцэ, которая была переносчиком опасных болезней. Дышать было тяжело и повстанцы сделали поворот на юг. Дошли до табачного поля, прошли через него, потом прошли сквозь поле с кукурузой и вышли к поселению с пятью хилыми хижинами. Домами эти сооружения назвать было трудно. Стены этих полушалашей-полудомов были сложены из веток, так что сквозь их щели проходил свет. Одно жилище было построено более основательно. Стены его были обмазаны глиной, в единственном окне виднелось стекло. Крыша же была выложена из веток, как и у других бедных домишек. На окраине деревни повстанцев и пленников встречал мужчина такой худой, что у него все его рёбра заметно выступали, а живот впал. Он был голый, между ног-палок безвольно болтался увесистый детородный орган. На плечах его было накинуто что-то вроде платка, которым возможно он иногда прикрывал стыд. Этому мужчине было пятьдесят два года. В поселении находилось ещё девять человек, включая детей, некоторые из которых также ходили нагишом, не пугаясь ни белых людей, ни своих сограждан в военной форме. Пленники расположились группками на окраине деревни. Они весь

день ничего не ели. Солдаты принесли им кукурузной полёбки и воды. В то время как деревенские зарезали для во-
як двух кур.

Алешков, Ломовский, Скороспелов и Фролкин сидели и ели, сбившись в группку. В трёх шагах от них у коряги рас-
селись Улыбин, Табатадзе, Янушев и ещё трое геологов.

– Как можно есть это дерьмо, – сетовал Янушев.

– Ешь же, – заметил Табатадзе.

– А куда деваться – неизвестно будут ли завтра кормить.

Солнце стало уходить за горизонт. Охрана расположи-
лась бессистемно. На пне у домика сидел солдат с сигаретой
в пятнадцать метрах от пленников. С другой стороны метрах
в тридцати ходили то по двое, то по одному вояки с автома-
тами. Временами за советскими следил только кто-то один
с места, которое можно было бы назвать пост на пне за до-
миком.

– Охрана слабая – надо бежать, – поделился своими мыс-
лями Алешков.

– А, если пристрелят? – усомнился в разумности идеи то-
варища Скороспелов.

– Нас и так пристрелят, – заметил проходящий мимо них
техник Рыжков.

– Не носи чушь, Герман, и не пугай товарищей почём
зря, – осадил его Улыбин.

– Ты испугался больше других, – упрекнул его Ленивец,
пришедший к компании Алешкова и севший к ним. – Куда

побежим?

– Кукуруза. Ночью. Охрана будет спать по-любому. Мы по-тихоньку проползём к кукурузе и через поле проберёмся обратно, – сказал Алешков.

– Обратно? Мы прошли уже километров тридцать или сорок; ни дорог, ни каких-то знаковых примет не запомнили, за что мог бы глаз зацепиться. Саванна, одна саванна и всё, – заметил Скороспелов.

– Нам надо идти на запад. Так мы дойдём до океана, – предлагал Алешков.

– Это безумие – у нас нет ни еды, ни карты. Как мы доберёмся до своих? – Улыбину не понравилась эта идея.

– И потом, где тут свои, а где не свои? Какую местность контролируют повстанцы? Может быть, они уже захватили власть в стране или близки к этому, – предположил Янушев.

– Фёдор, не наводи тоску, – упрекнул его Улыбин. – Посмотри на них, какая им власть? Нас скоро освободят. Поверьте. Нас разыскивают правительственные силы. И Союз уже подключился к тому, чтобы нас спасти. Я уверен в этом. Надо только потерпеть два-три дня, – успокаивал товарищей Улыбин. – Нас обязательно спасут.

– Ага. Два дня уже прошло. Где доблестная армия Мозамбика? Вы все видели, как сбежала наша охрана, когда повстанцы напали на рудник? Вы как хотите, а я сбегу, – стоял на своём Алешков.

Стемнело. Где лежали советские пленники была чёрная

темень, только в поселении горели несколько керосинок.

– Видите охрану? – шёпотом спросил Алешков Скороспелова и Ломовского.

– Ничего не видно, – ответил Ломовский.

– Бежим, пока у нас есть шанс, – звал товарищей с собой Юрий.

– Мы не знаем пути, вдруг заблудимся или набредём опять на повстанцев, – сомневался Скороспелов.

– А ты? – обратился к Ломовскому Алешков.

– Не уверен, что это разумно, – сказал тот.

– Эх, вы.

И Юрий уполз в сторону кукурузного поля.

Наступило утро. Ломовский и Скороспелов продрали глаза.

– Как же жрать хочется, – жаловался Иван.

– Не надейся – завтрака не будет, – обломал его Сергей, который поднял корпус. – А где Юрка? Неужели убежал?

Скороспелов тоже приподнялся.

– Он оказался смелее нас, поэтому спасся, а мы ссыкуны.

– Гляди, – Сергей кивнул в сторону, где расположилась группка советских пленников самая близкая к поселению.

Там вставал Юрий и разговаривал с товарищами.

– Не решился, – сказал Иван.

– Одному страшно бежать, – Сергей стряхнул насекомое с лица и потрогал нарастающую щетину, к которой не привык, так как брился каждый день.

Алешков подошёл к ним, когда повстанцы начали всех поднимать для дальнейшего следования. Их поторопила на мозамбикском диалекте португальского девушка в военной форме, угрожая автоматом.

– Вставайте, вставайте, в путь!

И пленники с повстанцами побрели дальше.

– У них и женщины есть, что они забыли на войне? – размышлял вслух Иван.

– Лучше воевать, чем жить впроголодь и без одежды, – быстро нашёл ответ Алешков.

Приближался полдень. Идти было тяжело и повстанцы с пленниками мечтали устроить привал где-нибудь в более-менее тенистом месте, когда откуда-то донеслось нарастающее жужжание. Повстанцы напряглись, взяли оружие на изготовку, начали всматриваться во все стороны. Звук нарастал. В небе появились вертолёт.

– Ложись, ложись! В разные стороны! – командовал повстанец по имени Армандо.

Все разбежались по сторонам и постарались залечь в углублённые места, либо спрятаться у кустов и деревьев. Пролетели два вертолёт.

Алешков лёг у куста вместе с Улыбиным и Ленивцевым.

– Я же говорил, что нас спасут, – обрадовался Улыбин.

Было тихо пятнадцать минут. Повстанцы не давали команд, их не было видно. Алешков хотел привстать, когда раздались раскаты автоматных очередей. Пули пролетали где-

то сверху, скашивая ветки кустов.

– Где стреляют? Впереди? – пробовал угадать Ленивецев.

– Они видимо высадили десант, – предположил Алешков.

Бой длился около двух часов с долгими перерывами-передышками. Наконец, один повстанец скомандовал пленникам:

– Встаём, уходим! Быстро! Быстро!

Пленники собирались в одну точку. Алешкова, Ленивецева и Улыбина повстанцы не видели. Они находились в шагах пятидесяти от места сбора. Повстанцы суетились и торопились. Пленников повели на север. Улыбин начал вставать, но Алешков надавил ему рукой на плечо и остановил.

– Стой, куда ты? Это наш шанс.

– Мы не можем бросить наших товарищей. Не переживай – нас всё равно спасут. Кто эти бандиты против регулярной армии?

И Улыбин встал, а за ним и Алешков с Ленивецевым. Они двинулись к остальным пленникам.

– Откуда такая уверенность я удивляюсь, – ворчал Алешков.

– А как без неё – без уверенности, без веры жить?

***

– Вера она есть или её нет. Я и верю и всё – никакой агитацией меня проймёшь, – говорил дед Глеба Улыбина Мартын Никанорович.

Мартын был седым, сутулым, с длинной молочной бо-

родой, словно какой-нибудь волхв или старец из иллюстрации книги по истории отечества. Он жил в сибирской деревне и был необычайно верующим человеком. В доме его сохранились иконы предков, которым Мартын честно молился и отвешивал поклоны. Единственно уцелевшая в округе церковь находилась в семи километрах от его деревни – расстояние терпимое для Сибири, но храм тот Глебов дед не жаловал. Он где-то прослышал, что все священники находились на службе советской власти, контролируемые спецслужбами. Покумекав, вспомнив какие-то эпизоды общения с местным священником Мартын пришёл к выводу, что тот наверняка принял сторону власти, то бишь отца лжи. Как Мартыну удалось сохраниться в тяжёлые годы гонений на церковь и верующих одному богу ведомо. Быть может сам всевышний оберегал его от козней времени и злых людей.

Глеб же был убеждённым коммунистом ещё со школьной скамьи. Ему было неприятно, что его родной дед является таким упёртым мракобесом, но что с ним можно сделать? Не убивать же его за это. Душеспасительные беседы ни к чему не приводили. Порой Глебу хотелось ужалить деда побольней, когда он испытывал сильную душевную горечь от того, что ему не удавалось обратить деда в свою веру.

– А какой он бог? – с язвинкой в голосе и едва заметной ухмылочкой вопрошал Глеб.

– Тебе это на фига знать? Ты ж не веришь всё равно, – отбрыкивался Мартын.

– Любопытно.

– Возьми библию почитай, аль новый завет.

– Читал: там нет его описания.

– Как нет? Сказано же, что создал он человека по образу и подобию своему. Выходит, что он такой же, как и мы человек.

– А где обитает он? На небе?

– Понятное дело, что не на земле.

– На облаке?

– На каком ещё облаке?! У него во власти вся вселенная!

Он вездесущ! Отвянь, язва!

Вера дедова была крепка, как чугун и переломить её было очень трудно.

Глебу Михайловичу Улыбину всё нравилось в коммунизме кроме одного – жаль было, что после смерти ничего не будет. Это огорчало. Бога и загробную жизнь придумали эксплуататоры, чтобы дурачить тёмные народные массы. И всё же не хотелось вот так просто исчезнуть из этого суматошного, противоречивого, часто несправедливого мира, обратившись в прах и пыль. В школе Глеб учился хорошо, ровно. В институте так же. Он не всё понимал, но старался во всём разобраться. За его старание и прилежность его и выдвигали сначала в кандидаты в члены КПСС, а потом стали продвигать по партийной линии. В одну из первых командировок Глеб отличился тем, что благодаря ему удалось предотвратить драку между геологами и наёмными ра-

бочими. Среди рабочих были те, кто сидел в лагерях в том крае, где производилась геологоразведка. Дело едва не дошло до поножовщины. Глеб был не робкого десятка и физически крепок. Одним ударом кулаком в грудь он отправил в нокаут самого ерепенистого работягу и отвесил подзатыльник задиристому геологу. Конфликт пошёл на спад. После того случая Глеба часто назначали бригадиром геологоразведочных экспедиций.

Женился Глеб в двадцать три года. Мог бы и раньше: в институте ему нравилась однокурсница Люда Васильева. Она была не столько красива, сколько привлекательна, умна, харизматична и язвительна. Людмила считалась звездой курса. За ней охотились многие видные институтские парни. Странно, что она выбрала не перспективного Улыбина или кого-то ещё из серьёзных студентов или преподавателей, а шалопая Витьку Свистунова, который виртуозно играл на гитаре, знал почти все песни «битлов» и много популярных дворовых песен. Потом Глеб узнал, что Людмила, прожив с Виктором десять лет, разошлась с ним. У неё остался от непутёвого мужа сын, которым Виктор впоследствии не интересовался. Свистунов спился и опустился. Его уволили со многих мест. Нигде он не мог задержаться надолго: мешали характер, лень, гордыня и любовь к горячительным напиткам. Несколько лет назад Глебу сказали, что Виктор работал сторожем в санатории. О Людмиле ничего не было слышно. Глеб не предпринимал попыток что-то узнать о ней,

так как был уже относительно счастлив с Екатериной.

У неё были тёмно-русые волосы, вздёрнутый немного носик, серо-зелёные мечтательные глаза. И это чудо в двадцать лет было свободно к великой радости Глеба. Они встретились и познакомились в поезде, идущем с востока на запад. Родом Катя была с Красноярского края. Глеб жил в Томске. Темноволосый, с несколько широким лицом, бородастый и грубыми чертами лица, он опасался, что не понравится ей. Они ехали в плацкарте. У Екатерины было место сбоку – верхняя полка. Глеб настойчиво предлагал ей обменяться местами. У него было место получше – нижняя полка и соседи приличные: два геолога и командированный инженер из Свердловска. Так и познакомились. Екатерина заканчивала педагогический институт. Она собиралась преподавать русский язык и литературу в школе. Она переехала к Глебу в Томск, где они быстро поженились. Глебу дали двухкомнатную квартиру в хорошем районе. Жизнь у Улыбиных была налажена, благополучна и уютна. Отъезды Глеба в экспедиции Екатерина воспринимала спокойно. Это обстоятельство немного расстраивало Глеба. Катя не набрасывалась на него с объятиями и поцелуями, когда он возвращался домой. Глеб был более эмоционален, мог вспыхнуть, ударить кулаком по столу. Что касалось быта, Екатерина была не достаточно прилежна и аккуратна в домашнем хозяйстве. Её более волновали высокие материи. Улыбины подписались на три литературных толстых журнала и две газеты.

Когда Екатерина читала, о близости можно было не мечтать. Она могла читать долго до часу ночи. Глеб привык ложиться спать рано и вставать до того момента, когда будильник своим противным перезвоном начинал будить честных советских тружеников. Глеб тогда возненавидел книги, Пушкина, Толстого, Ахматову и Цветаеву. Женой он мог обладать только в редкие перерывы между её чтениями. Он думал, что все эти бумагомараки, инженеры-исследователи человеческих душ отнимают у него самое дорогое, что у него было. Екатерина умудрилась находить время на чтение даже когда родила сына Ивана. Как-то Глеб имел оплошность высказать своё непочтение к чтению, как к чему-то необязательному и развлекательному, чем навлёк на себя страшный гнев жены. Геолог испугался, что его ячейка общества может рухнуть, и доступ к столь желанному и редкодоступному телу супруги может быть закрыт навсегда. Тогда он предпринял отчаянный шаг и сам начал поглощать литературу в свободное время, брал с собой книги в экспедиции. Это Кате понравилось. Наконец, можно было хоть о чём-то существенном поговорить с мужем. Из всего что Глеб прочитал ему больше пришлось по сердцу Евдокимов и Трифонов. Первый был краток, понятен и мораль его сочинений лежала на поверхности. Второй был посложнее и немного позанудней. Глеб даже умудрялся вступать в споры о литературе с другими читающими геологами и знакомыми. С женой он предпочитал во всём соглашаться.

С годами у Глеба начались внутренние колебания относительно веры в истинность марксистского-ленинского учения. Первый звоночек просигналил, когда ему было двадцать восемь лет. Глеб хотел повесить портрет Ленина в их комнате. На что Екатерина отреагировала молниеносно:

– Сними и убери, чтобы я этого не видела.

Глеб остолбенел. Он хотел попросить объяснений, но чего-то испугался и убрал портрет на антресоль. Почему ей было можно вешать фото Ахмадуллиной и Евтушенко над своим письменным столом, а он не мог повесить портрет вождя мирового пролетариата? Ответ мог бы убить его. Глеб решил скорее забыть этот случай.

В семьдесят шестом он уже занимал значимый пост в партийной ячейке местного отделения геологоразведки. Ему поручили организовать сбор народа на лекцию учёного из Новосибирска. Тема была о повороте сибирских рек на юг. Глеб был ведущим вечера, а учёный вещал о пользе предлагаемого проекта. Вечер выдался горячим. На лекцию пришли много противников этой идеи планетарного масштаба. Сам Глеб не успел толком изучить суть этого плана. Он его одобрял, так как думал, как обычно, что родное правительство дурного своей стране и народу никогда не пожелает. Но оказалось, что у этой затеи было много врагов среди интеллигенции и просто активных граждан.

– Это катастрофа! – выкрикивал пожилой мужчина с клюшкой в костюме тройке.

– Товарищ, сейчас вас никто не спрашивает. Потом выйдите и выступите, когда будет такая возможность. Дайте слово товарищу-учёному, – попытался его уговорить Глеб.

– Вы никогда не даёте слова тем, кто с вами не согласен! – вскочил в первом ряду со своего места бугай с взъерошенной чёрной шевелюрой.

– Прекратите, молодой человек, иначе мне придётся вызвать милицию, – увещевал буюна Улыбин.

– Вот так всегда. Тоталитарная залупа. Концлагерь, сраный ГУЛАГ, – продолжал ругаться буюн.

– Вадик, угомонись, сядь. Посадят и тебя и нас в придачу, – пытались его утихомирить его спутники.

Ага, его зовут Вадим. Глеб записал имя карандашом на тетрадном листе в клетку.

Под конец лекции оратор назвал не согласных с ним мракобесами и дураками. Это было большой ошибкой. Мракобесы и дураки бросились к сцене. Глебу пришлось закрывать своим крепким телом тщедушного учёного, который успел бежать через чёрный ход дома культуры. Смутьяны озверели и накостыляли Глебу не хило. Дедушка колотил его своей клюшкой, а буюн Вадик поставил фонари под оба глаза.

Избитый Глеб сидел во дворе своего дома и думал. Была уже ночь. Домой идти было стыдно. За что они так с ним? Он не мог этого понять. Его простая картина рушилась медленно и плавно. А, что, если они правы: не надо никуда поворачивать реки? Это был второй сигнал.

Потом был случай ещё один, самый гадкий. Партийное начальство попросило Глеба приготовить баню в загородном профилактории для неведомого московского гостя.

Баня была готова. Глеб стоял около неё в расстёгнутом пальто и кроличьей шапке. Ему было жарко – он только что проверил парилку. В колючем морозном воздухе кружились пушистые снежинки. Стемнело. На баню падал свет ближайшего фонаря, освещавшего аллею, ведущую к въезду в профилакторий. Послышался шум двигателя. У бани остановилась чёрная «волга», из которой вывалился крупный мужчина с квадратной головой и маленьким мясистым носом в каракулевой шапке-пирожке. Ему было шестьдесят лет. Это был тот самый столичный гость. За ним выбрались из авто знакомые Глеба Алевтина и Алла, которые были членами партии, активистками местной партячейки.

– Привет, – бросил им Глеб.

– Добрый вечер, – брякнула Алевтина, опустив глаза.

А Алла сделала вид, что не услышала его приветствия.

Дамы проследовали за знатным гостем в баню, который проходя мимо Глеба, хлопнул его по плечу со словами:

– Если чего понадобится, я тебе свистну.

– Ага, – пролепетал Глеб.

Алла и Алевтина были перспективными членами партии. Глеб подумал, что гость прихватил их за кампанию: языками почесать, да обсудить дела партийные и житейские. А что разве современные мужчины совместно не могут хо-

дить в баню с женщинами? Прикрылся простынкой да сиди на полке в парилке лясы точи. С бабами оно как-то бодрее всё же и веселее.

Глеб дошёл до главного здания профилактория и вернулся к бане – вдруг помощь какая нужна. Постучаться? Неудобно. Заглянул в оконце. Алевтина голая выбежала из парилки и отпила из бутылки пива. На левой ягодице её краснела квадратная пятерня гостя. Глеб отпрянул назад. Нет, не лясы они там точат, а блудят. Какой же он был наивный или слишком идейный, что сразу это не понял. Или отгонял от себя грязную мысль. У Алевтины был муж и двое деток, у Аллы муж погиб и имелся сын. Глеб оторопел. Он не знал, сколько прошло времени, когда дверь бани открылась.

– Эй.

Это был гость, завёрнутый в большое белое полотенце на голое розовое пухлое тело. Глеб повернулся к нему.

– Хочешь, на двоих раскатаем девчонок. Уж больно они прыткие и умелые, – предложил партийный вельможа.

Глеб не сразу вышел из оцепенения.

– Нет. Не могу. У меня жена, – сказал он.

Блудливый номенклатурщик странно посмотрел на него и закрыл с хлопком дверь.

Теперь Улыбин думал, что тогда этот чинуша подумал, какой он идиот. И плевать. Такой какой есть – Глеб Улыбин. В ту ночь он о многом передумал. Вспомнилась повесть

Трифонова «Дом на набережной». Он её прочитал в толстом журнале с подачи Кати. Смысл сразу не разобрал, так на ощупь только что-то начал понимать. А в ту ночь у бани суть повести стала ему ясна и понятна. Как он сразу не смог это понять? Всё же было на поверхности. Власть, которую символизирует дом на набережной притягивает всякое человеческое говно. Хороший человек никогда не будет стремиться на вершины власти. Неужели – это правда? Не хотелось в это верить. А как же блудливый аппаратчик? Глаза раскрылись. Надо было как-то дальше жить с этим. Как жить? А как раньше жил. Что изменилось-то? Разве может один эпизод в жизни перевернуть, исковеркать судьбу человека? Может, конечно; но это не про Глеба Улыбина. Он мог быть вспыльчивым, эмоциональным, но не до великой степени. Ему же не приходилось делать чего-то ужасного. Обслуживание столичного чина в бане не в счёт, как и агитация за поворот рек. Ошибки бывают у всех. Да и что он мог сделать? Настучать в высшие инстанции? Зачем? Надо просто дальше жить честно и просто, без амбиций. Он вспомнил, что сам никогда не желал себе карьеры – его самого двигали вверх старшие товарищи. Правда, временами он то и дело вспоминал религиозного деда, что расстраивало. А в какие-то моменты напротив внушало надежду. Ведь, если правда за дедом, значит есть что-то после нашей смерти на земле, какая-то форма жизни.

И Глеб Улыбин продолжал, жить, работать уже не так

радостно, как в молодости. Годики катились беспощадно. У Улыбиных родилась дочь Ксения. Катя не очень хотела второго ребёнка, но Глеб настоял, уломал её родить, и долго не мог надышаться на свою маленькую принцессу, которая его любила также сильно.

В начале тысяча девятьсот восемьдесят второго года пришла разнарядка из Москвы о наборе геологов для отправки в братский Мозамбик. Платить обещали щедро, но Глеба деньги не интересовали, как и Африка, как и братские социалистические страны. Никто из их отдела геологоразведки тоже не горел желанием ехать, а точнее лететь в Африку. А спустя три дня Глеб обнаружил на письменном столе жены письмо из Кирова. Он сидел с дочерью, когда его жена отправилась на встречу с подругами. Конверт был уже вскрыт. Глеб никогда не читал чужих писем. Прочитал на конверте, кто прислал письмо: Киров, далее адрес и Семён Минько. Семён. Минько. Кто это? Всех родственников Екатерины Глеб знал в лицо. Руки сами потянулись к конверту. Семён писал красивым убористым каллиграфическим почерком. Писал он о серой и грустной природе Вятки, о том, что вокруг много тупых и бесцветных людей. Далее становилось понятно, что Минько учитель, как и Катя. Он вспомнил про какую-то встречу в Новосибирске. С Катей ли или кем-то ещё было непонятно. Ещё таинственный учитель писал о том, что ему грустно оттого что в Кирове совсем невозможно достать даже Драйзера. Заканчивал Минько признанием,

что не бросился с тоски в Вятку только потому что ясно осознаёт, что на Земле есть, живёт, дышит, чувствует, улыбается Катя Улыбина. Чтобы это значило? Признание в любви или всего лишь жалкий, пошлый комплимент? Может быть, это Катин однокурсник? Почему он так откровенничает? У них что-то было? Был ли это первый мужчина Катерины? Они могли заниматься петтингом или другими шалостями, чтобы не испортить Кате репутацию до её знакомства с Глебом. В голову Глеба лезли дурацкие мысли, одна нелепей другой. Попросить у неё объяснений? Нет – она никогда этого ему не простит. Чтение чужих писем с её вшивоинтеллигентской точки зрения очень страшный грех, страшнее чем гордыня, чревоугодие и блуд вместе взятые. Глеб не любил рефлексию, но ситуация складывалась так, что надо было как-то на неё реагировать. Он стал сомневаться в том, что его жена была с ним искренна. Что, если она с ним связалась только из-за его перспективности, его положения в обществе; а в душе презирала его, за его партийность и примитивность? Она всегда была для него загадкой.

В одной из последних экспедиций Глеб познакомился с совсем молодой студенткой из Хабаровска Викой. Она была не так красива, как Катя, но видно было, что в ней было больше теплоты, доброты и наивности, чем в Кате. Может быть, то было всё не от большого ума. Вика много разговаривала с Глебом. Он ловил себя на мысли, что нравится ей и мог бы тогда легко замутивить с ней короткий романчик, ни

к чему не обязывающий. Его помощник и земляк Серёга Богатырёв во всю крутил шуры-муры с поваром Ленкой Граблиной. В тёмное время из тайги то тут то там раздавались её сладострастные стоны. Серёга относился спокойно и без угрызений совести к таким делам, несмотря на то что дома его ждали жена и сын.

На следующий день Глеб на работе сам записал себя в список желающих отправиться в Мозамбик.

3

Паласио-да-Понта-Вермелья в переводе на русский с португальского означает Дворец Красного кончика. Под кончиком подразумевается мыс. Столица Мозамбика Мапуту расположена на берегу Индийского океана. Этот дворец когда-то принадлежал железнодорожникам, строившим дорогу в Трансвааль, потом португальскому губернатору. В 1975 году после революции здесь обосновался красный президент Самора Мойзеш Машел.

24 августа в среду утром Самора шёл в сопровождении своей охраны и свиты по коридору третьего этажа Дворца. Около белых дверей своего рабочего кабинета он остановился.

– Я попрошу всех оставить меня на какое-то время. Жасинту пусть составит мне компанию.

Самора имел привычку держать руки за спиной при ходьбе и часто, когда стоял; а также покачиваться взад-вперёд. Жасинту Суареш Велозу стоял в двух шагах позади президента. Он поправил очки. Это был белый португалец, умудрившийся остаться в Мозамбике после падения колониаторского режима и сделать в обновлённой покрасневшей стране головокружительную карьеру. Велозу руководил Национальной службой народной безопасности – аналогом советского КГБ. Ему было сорок лет.

В кабинете Самора и Велозу стали у большой карты Мозамбика, разложенной на столе. Президент крутил между пальцами карандаш и то и дело тыкал им в то или иное место на карте.

– Почему их упустили? – Самора явно был сердит.

– Мы раскидали наши отряды по нескольким точкам, перекрыв большую часть троп ведущих в Малави. Отряд был малочислен. Теперь мы знаем, где они приблизительно могут быть, – оправдывался Велозу.

– Почему ты так уверен, что они идут в Малави? Ведь, Банда уверял меня в дружбе и, что он независимый правитель: не проамериканский, не просоветский.

– Банда – это антикоммунист, какие бы маски он на себя не надевал бы.

Восьмидесятипятилетний диктатор Хастингс Банда правил в соседней с Мозамбиком стране Малави.

– Почему бы им не двинуться в сторону Родезии, где находятся лагеря подготовки этих говнюков? – Самора карандашом провёл по границе Мозамбика с Родезией.

– Это более долгий путь, но там их тоже ждут наши люди. И всё же я уверен, что они будут идти к границе с Малави.

– Что они хотят?

– Прежде всего нанести урон репутации нашей власти.

– Я вчера весь день, как мальчишка отчитывался перед советским представителем. Жасинту, найди поскорее этих геологов. Мы должны их спасти, иначе больше никто не прие-

дет из Союза работать в нашу страну.

– Почему не приедет? Приедет.

– Откуда такой оптимизм?

– Советы умеют не доводить до своего народа печальные известия. Зачем печалить население неприятными новостями. Так что другие специалисты в большинстве своём и не знают о происшедшем.

– Да, этим мы похожи. И всё же их надо найти. Для нас – это дело чести.

***

Светлана с трудом добралась до советского посольства в Мапуту – транспорт в Мозамбике ходил, казалось, бессистемно и безалаберно. Русский офицер пропустил её в здание. Светлану принял в своём кабинете посол Юрий Шепелев, сразу радушно предложив расположиться в кресле.

– Садитесь, пожалуйста.

Шепелеву было пятьдесят три года. Он был круглолицый, с непослушной шевелюрой, седеющий, в очках, среднего роста.

Светлана села в кресло, а посол сел напротив её на обычный стул.

– Знаю, знаю о вашей беде. Были у меня уже другие жёны коллег вашего мужа, попавших в плен бандитам, – как будто Шепелев уже готов был ответить на ожидаемые вопросы. – Власти Мозамбика и наше государство делают всё возможное, чтобы их освободить.

– Они живы? – спросила Светлана.

Шепелев загадочно поглядел мимо неё в пол, взяв паузу.

Светлана схватилась за сердце.

– Ой, ну, что вы право, голубушка?

Шепелев вскочил и побежал за графином с водой. Налил воды в стакан и протянул женщине.

– Я думаю, всё это закончится хорошо. Говорю же, власти делают всё возможное и невозможное, – успокаивал Шепелев.

Светлана сделала пару глотков, отдала стакан Шепелеву и сморщилась.

– Что с вами? – забеспокоился посол.

– Тошнит. Где у вас тут туалет?

***

Пленники брели уже восьмой день по саванне. Повстанцы решили устроить привал. Ломовский со Скороспеловым упали под свинцовое дерево, пытаясь спастись в его тени. Скоро рядом с ними лёг Алешков. Они уже начали постепенно обрастать кто бородами, кто густыми щетинами. У Сергея борода росла медленно.

В пяти шагах от них лежал лицом к небу Рыжков и причитал:

– Пристрелите меня, пожалуйста. Или дайте пожрать. Есть хочу!

– Нытик, – тихо сказал Скороспелов.

– В экстремальных ситуациях проявляется нутро челове-

ка, – добавил Алешков.

– Пристрелить бы его, в самом деле, – буркнул Фёдор Янушев, лежавший недалеко от страдальца.

– Слабый он, и что в том? – вступился за Рыжкова Сергей. – И я слаб.

– Не гони пургу, – слова Сергея не убедили Алешкова.

– Не хорошо что-то мне. У меня же язва и здоровье никудашное, а я попёрся в эту дыру сраную на чёрный континент, – продолжал Сергей.

– Всякий советский человек стремится к подвигу, нас всех так воспитывают, не на ратном поле, так на экономическом поприще – должен кто-то помогать отсталым странам, – то ли философствовал, то ли язвил Алешков.

– Подвиг тут ни при чём.

– Деньги?

– Да, хотел заработать на отдельную квартиру в Ленинграде, а по сути не в деньгах дело, а во мне, в моей проблеме. Светка давно родить никак не может. Я чувствовал себя виноватым перед ней; не знал, как быть и что делать. Квартира – только предлог, на самом деле, я хотел что-то кардинально поменять в нашей жизни. Она сама напросилась со мной поехать. Любит меня, а зря. Где-то глубоко-глубоко в подсознании своём у меня думка вертелась: что-то случится со мной, и Светке будет от меня освобождение. Вот и сбылось то, что себе о себе надумал. Пусть только с ней будет всё в порядке.

– Накаркал, – сказал Алешков.

– Накликал беду. Ладно на себя, а мы-то тут причём? – жаловался Скороспелов.

– Иван, не ожидал от тебя такого мракобесия, – сделал ему замечание, находившийся неподалёку Фролкин.

Мимо шёл и остановился Улыбин, пропыхтел, поглядел куда-то вдаль.

– Куда нас ведут? – вопрошал он.

– Ясен пень, в Родезию. Там не любят советских, – ответил Иван Скороспелов.

– Непохоже. Родезия на юге, а мы, кажется на север движемся, – заметил Улыбин.

– Такое ощущение, что мы по кругу ходим, – подал голос оклемавшийся Рыжков. – Может быть, эти негры географии толком не знают.

– Хорошо бы – выведут нас к правительственным войскам, – сказал Сокроспелов.

– Размечтался. Тут гражданская война идёт. Им что север, что юг, что запад, что восток – всё одно. Не удивлюсь, если они скоро всю страну захватят, – сказал Алешков.

– Так нас же уверяли, что власть Саморы крепка и народ его поддерживает, – вспомнил Янушев.

– Кто, бл.., уверяет? Газета «Правда»? Как в анекдоте про Наполеона? Если бы у него была газета «Правда», то мир никогда бы не узнал о его поражении при Ватерлоо, – язвил Алешков.

– Что же будет, если эти бандиты победят? – напрягся Янушев.

– Отвезут нас в Америку, – отвечал Алешков.

– Пытать будут? – голос Янушева дрожал.

– Ага: дадут каждому по проститутке и напичкают наркотиками.

– Зачем?

– Чтобы почувствовали на своей шкуре, как разлагается, загнивает Запад.

– Ты чего, скотина, народ разлагаешь, пугаешь? Я не удивлюсь, что, ты втихаря дома слушал вражеские голоса. А, может быть, ты заодно с этими уродами?

Улыбин готов был с кулаками наброситься на Алешкова, но его сдержали Скороспелов и Фролкин.

– Идиот, если бы все меня послушали, то давно бы спаслись.

Алешков приподнялся и присел, прислонившись спиной к стволу дерева.

Скороспелов пошёл искать место, чтобы справить малую нужду. Кругом были кустарники и редкие деревья. Иван оглянулся. Солдаты были позади него и не обращали на него внимания. Наконец, Иван нашёл ложбину, немного спустился в неё, извлёк из штанов детородный орган и начал мочиться. «А ведь, действительно, у этих вояк порядки те ещё, полная анархия и пофигизм. Прав был Юрий, можно было легко убежать», – подумал Скороспелов и шестым чувством ощу-

тил рядом присутствие какого-то живого организма. Хищник? Иван сжался и быстро повернул голову налево. Что-то чёрное мелькнуло в кустах. Вскоре это чёрное, оказалось головой девушки из отряда повстанцев. Она наблюдала за ним и вышла из кустов.

– О-у, – промолвила она.

Иван опомнился и убрал быстро член в штаны.

– Извините.

– Я Иван.

– Ассане.

Говорили по-португальски.

Иван выбрался из ложбины.

– Что означает ваше странное имя? – спросил он.

– Водопад.

– Это так красиво.

Они двинулись к лагерю повстанцев и охраняемых ими советских пленников. Ассане держала уверенно автомат калашникова, направляя его дулом в сторону Ивана.

– Я не так опасен, – заверил он.

Ассане ничего не сказала в ответ.

– Жаль, что ты воюешь? Ты красивая. Тебе нужен муж, семья, – говорил Иван.

Девушка усмехнулась.

– Ты женат?

– Нет.

– Ты бы женился на мне?

Иван пожал плечами.

– Если бы мы встретились в несколько иной ситуации...

– Не придумывай. Я же чёрная, а ты белый.

– И что? Наша идеология отвергает расизм. Для нас все расы и народы равны.

– Коммунисты лгуны. Ненавижу.

– Ты плохо их знаешь.

– Плохо? Мой отец был коммунистом. Он умер в тюрьме.

– Извини, я плохо знаю историю вашей страны. Я всего лишь геолог – добываю полезные ископаемые из земли.

– Да. Коммунисты хотят распродать богатства нашей страны.

– Неправда, они хотят это пустить на благо вашей страны.

– У них плохо получается.

– Не всё сразу.

Алешков решил пройтись один по краю лагеря, подумать. Он прошёл метров сорок, остановился у большого серого камня, присел на него. Сзади слышались шаги. Юрий оглянулся. Это был Янушев.

– Фёдор, ты чего?

– Разговорчик есть, Юр.

– Решил бежать со мной?

– Нет, я по другому вопросу. Помнишь, ты сказал, что нам дадут американцы проститутку и наркотики...

– Ну.

– А, может быть, нам ещё денег дадут?

– Конечно, по миллиону долларов.

– Прямо миллиону, и что придётся за это сделать?

Юрий тяжело вздохнул.

– Продать родину? Отречься от неё? – предположил Янушев.

– Видишь, ты сам всё понимаешь.

***

Фёдору от тётки достался дом в деревне в Павловопосадском районе: дощатый, старый с двумя комнатами и светлой просторной террасой. Зелёная краска на внешних стенах во многих местах облезла. Отапливался дом от газа, что было очень даже круто. Фёдор любил бывать в том доме один. Тут он ощущал себя полновластным хозяином всего, что было в доме и на участке.

Был конец лета. Фёдор заехал во двор дома в субботу. В доме спустился в подвал. В подвале пола не было. Лестница утыкалась в песок, а с боков на двух стенах были устроены полки с банками и ящиками. Сапёрной лопаткой Фёдор вырыл из песка алюминиевый бидон и вылез с ним в дом. В главной комнате он извлёк из бидона пачки денег и разложил их на столе. Пятнадцать тысяч рублей. Всё как и должно было быть. Ему нравилось трогать пачки купюр и вдыхать их запах. Зарыв бидон с деньгами обратно, Фёдор вышел во двор и пошёл к сараю. В сарае было много всего нераспечатанного: рулоны рубероида, два десятка мешков цемента, банки с краской, самый разнообразный инструмент. Всё бы-

ло на месте.

Фёдор бродил по двору, когда слева за забором показалась бородатая морда Иваныча. Сосед Алексей Иваныч давно уже находился на пенсии и жаждал плотного общения с Фёдором, но тот умело избегал этого каждый раз.

– Фёдь, ты иль не ты?

– Я, я, Иваныч.

Янушев подошёл к забору.

– Как у вас тут жизнь течёт? Всё спокойно? Никто подзрительный не лазит?

– Да так вроде всё благополучно у нас. Правда, в среду молодёжь странная шаталась по нашей улице: яблоки воровали и другой продукт. Ко мне хотели залезть, я прогнал их палкой.

Фёдор почувствовал, будто сердце его упало куда-то глубоко-глубоко.

– А ко мне? Лазили?

– Нет.

– Иваныч, я тебя прошу, на тебя вся надежда, присматривай за домом. Если что, сигналь мне в любое время дня и ночи.

Янушев сбегал в дом и принёс соседу бутылку водки. У него в подвале было два ящика с беленькой и пол ящика портвейна.

В час дня Фёдор завёл двигатель своей второй модели «жигулей» бежевого цвета и выехал со двора. Он жил в Пав-

ловском посаде в двухкомнатной квартире с женой и сыном. Ему было тридцать лет. Он был среднего роста, коренастый, с маленьким заострённым лицом, густыми усами, прямые русые волосы его часто были длиннее, чем у обычных советских мужчин. Трудился Фёдор завхозом шесть лет в профилактории, который находился на балансе геологоразведочной отрасли РСФСР. Любовь к коммунистическому строю у Фёдора была не бескорыстна, и он сумел к тридцати годам сколотить приличное состояние, о котором никто не знал кроме него самого. На что можно было потратить это богатство, он ещё не решил. Можно было купить «волгу», но его пока устраивала и «двушка», в которой можно было вывезти много добра.

Год назад Федя сделал одно невыгодное вложение, познакомившись с вдовушкой по имени Глафира. Её данные и координаты ему дала хорошая знакомая деловая женщина Галина Петровна Зимина, которая обшивала на дому пол города и района. Тёте Гале было уже за шестьдесят, но она не теряла бодрости духа и вкуса к жизни. Помимо прибыльного швейного бизнеса тётя Галя промышляла и сватовством. Она сосватала Фёдору Глашу, которая согласна была за материальную помощь в размере тридцати рублей в месяц оказывать Фёдору интимные услуги по первому его желанию. Желания у Фёдора было хоть отбавляй, куда больше чем возможностей для встреч с Глафирой. Они обычно уединялись в частном доме Глафиры по субботам или воскресеньям раз

в неделю.

У Глафиры было симпатичное курносое лицо и тёмные волосы. Фигура Глаши была в меру аппетитной, но не полной. Как не боролась Глаша с лишним весом, ничего путного из этого не получалось. Главным образом борьбе мешало то обстоятельство, что Глафира работала на кондитерской фабрике, а сладкое она любила так же, как и деньги. Она встретила Фёдора в прихожей в бордовом атласном халате, который был распахнут и открывал вид на белое тело с большой, но уже несколько обвисшей грудью. Растительность на лобке была аккуратно пострижена, ноги до оснований бёдер были скрыты ажурными чулочками-завлекалочками.

– Как всегда по ускоренной программе? – с грустью поинтересовалась Глаша.

– Кис, сама понимаешь семья и всё такое, – оправдывался Фёдор.

После горячего секса они лежали на кровати около окна укрытые одной простынёй. Окно было приоткрыто и в него улетал дым сигареты, которую курил Фёдор. Глаша почесала его волосатую грудь, после чего прикусила его правый сосок.

– С ума сошла! – испугался Фёдор так, что едва не выронил сигарету на пол.

– От тебя сойдёшь.

– Не гони пургу. Мне пора.

Фёдор хотел было выбраться из-под простыни и с кровати, но Глаша вцепилась пальчиками в его причиндалы.

– Погоди, разговор есть.

– Спятила? Какой разговор?

Янушев дал понять, что не собирается покидать греховное ложе и Глафира отпустила его мужские принадлежности.

– Федь, ты знаешь, как ты мне дорог?

– И ты мне дорога, Глаша.

– Маленький у нас будет.

– Что?!

– Малыш, мальчик или девочка.

– Не говори ерунды. Мы же предохранялись.

– А месяц назад? Помнишь?

– Ты же сама сказала, что можно.

– Просчиталась.

– Или рассчитала спецом.

– Теперь это неважно.

– Ни хрена себе не важно, моя жизнь вся пойдёт под откос из-за твоих плутней.

– Я хочу малыша от тебя.

– Зачем? Мы же не муж с женой. Его травить будут и в детском саду и в школе. Выродком будут называть.

– Не факт, со временем ты возможно возьмёшь меня в жёны.

– Вот куда ты клонишь. Не бывать этому. Я тебе дам сто рублей. Иди сделай аборт.

– Как шлюхе?

Фёдор встал с кровати, надел трусы.

– Не носи чушь. Не нужен нам ребёнок.

– Ты не любишь меня.

Глаша уткнулась лицом в подушку.

– О любви мы изначально не договаривались. Завтра привезу тебе деньги.

– Пять тысяч рублей.

– Чего?

– Десять.

Фёдор замахнулся рукой в сторону Глафиры. За пределами комнаты послышались шаги. В дом вернулся десятилетний сын Глафиры Юрка.

– Ты почему не сказала сыну, не возвращаться в это время?

– Сказала да он не всегда слушает меня. Он кстати мечтает о братике или сестрёнке.

– Ладно, Глафира, дам я тебе пятьсот рублей и не дури.

– Тогда будет у тебя ещё один ребёнок. И жена твоя об этом наверняка узнает скоро – город-то у нас не такой огромный.

– Ну ты и гадина.

А жена день спустя за ужином брякнула:

– Слыхал, Федь, Машка Калугина разошлась с своим благоверным.

– И чего? – Фёдору это было как будто совсем не интересно, и он продолжал поглощать макароны по-флотски прямо из сковородки.

– Так не будь душой Машка оттяпала у своего осла квартиру, машину и гараж в придачу.

Янушев подавился макарониной, так что жене пришлось стучать ему по спине.

– А чего разошлись-то они? – поинтересовался Фёдор.

– Ходил налево поганец.

– Точно ходил или подозрения одни?

– Дыма без огня не бывает; говорят ходил, значит, ходил.

Сволочь.

Надо было что-то делать с Глафирой. Она грозилась сообщить жене Фёдора радостную весть. При крайней с ним встрече поинтересовалась, почему он не остаётся у неё больше на часок-другой, дескать, срок ещё маленький и не мешает предаваться любовным утехам. Фёдор зверел от такого цинизма, но вида не показывал. У него в голове даже стрельнула мысль убить Глафиру и тётю Галю за компанию. Потом он представил себя в тюрьме, на зоне. Туда ой, как, не хотелось. Как женщину, он Глафиру уже не желал. И от неё у него пошло какое-то отторжение ко всему женскому полу, даже к супруге, но с ней шутки были плохи и супружеский долг приходилось исполнять чин по чину без дураков.

Скрепя сердце, Фёдор выдал Глафире семь тысяч рублей. Через неделю Глафира поклялась, что сделала аборт. Проверять её он не хотел. Осознание, что его надули, как последнего лоха, убило бы его.

Как можно было потерять такие деньжищи?! Фёдор нико-

му не говорил об этом – засмеяли бы. Можно было бы отгротать за эту сумму хороший кирпичный дом или купить ещё одну машину. Ох, уж эти бабы.

После того злосчастного случая Фёдора завёл привычку иногда налегать на спиртное. В своём профилактории он обычно позволял себе лишнее с пожилым замом директора Иннокентием Трифионовичем Самопаловым, который часто покрывал тёмные делишки Фёдора и кражи государственного имущества за небольшие вознаграждения. Много Иннокентию не надо было. Он искренне любил только беленькую и тупую болтовню с мужиками. Ему было пятьдесят восемь лет, а выглядел он все шестьдесят восемь – совсем не щадил себя, не думал о здоровье.

В ту роковую пятницу Фёдор приложился к бутылке с Иннокентием в обед, а потом принялся за работу: надо было подсчитать весь инвентарь, что имелся в наличие и что можно и нужно было проверенным способом списать. Вечером хмель уже выветрился. Фёдор не боялся ездить пьяным, так как в местном ГАИ у него было всё схвачено.

Иннокентия он нашёл в гараже профилактория.

– А вот ты где?

– Иди к нам, Фёдор, – позвал Иннокентий.

Он сидел за импровизированным столиком из облезлого листа фанеры, на котором стояли открытые консервы, буханка и грязные гранённые стаканы. Рядом с ним сидел автомеханик сорокалетний Тимофей Карлин – приземистый мужи-

чок с пустым взглядом тёмных ничего не выражающих глаз. За ещё одной бутылкой побежал водила Егор Сажин. Это был тридцатилетний лопоухий никогда не унывающий здоровяк.

Через пятнадцать минут Сажин вернулся с бутылкой водки, бутылкой портвейна и двадцатипятилетней конопатой девицей в коротком белом в чёрный горошек платьице.

– Это Зина, знакомьтесь, парни, – представил её Егор. – Вот такая девчонка.

Сажин поднял большой палец правой руки вверх.

Водка успокаивала нервы Фёдора и он переставал на какое-то время думать, переживать о своей крупной финансовой потере из-за подлости Глафиры. Зинка пила портвейн и глупо хихикала, когда Сажин отпуская очередную плоскую шутку. Бутылка на четверых здоровых мужиков это несерьёзно. Она улетела незаметно, и Янушев сгонял на своей «двушке» ещё за двумя пузырями – гулять так гулять. Когда он вернулся и водрузил водку на стол, Сажина не было.

– Где Егорка? – спросил он.

– В кладовке.

Карлин кивнул головой в угол.

– Чего он там забыл?

– Зинку чпокает.

– Что так просто? – сделал вид, что удивился Янушев.

– Мы народ простой, а не как вы, Фёдор Петрович.

– Ну, ну, давай не наезжай понапрасну. Это я-то не про-

стой народ? Проще ещё поискать.

После Егора пошёл пользоваться Зинку Карлин.

– Какой срам, – заметил Иннокентий, занюхивая водку краюхой чёрного хлеба.

– Простой народ – чего ты хотел, – напомнил Фёдор. – У них – это норма.

Вернулся Карлин, поправляя штаны, а Зинка пошла продышаться, покурить на воздух.

– Садись, простой народ.

Фёдор налил ему водки на половину стакана.

– Не хорошо шутишь, Фёдор. Народ надо уважать, – про бурчал Карлин, садясь, и берясь за стакан.

– А я его уважаю, чту.

– Нет. Не чтёшь.

– Это ещё почему?

– Давай иди вдуй Зинке.

– Это что ещё за чепуха?

– Тебе не нравится девчонка?

– Шалашовка она, а не девчонка.

– Брезгуешь? Баринном стал?

– Иди ты лесом, Тимоха.

– Или Лидки своей боишься больше, чем огня?

– Дурак.

– Трус. Поди и не изменял ей ни разу. Баба ты, а не мужик.

А ещё строишь из себя крутого.

– Ладно, где твоя Зинка?

– Сейчас придёт.

Зинка была согласна на всё. Фёдор позвал её в кладовку, где поставил в позу по-собачьи и овладел ей в этой позе, не предохраняясь. Разрядился он на грязный пол.

Домой Фёдор вернулся затемно. Лидия пыталась добиться от него близости, но он был в таком состоянии, что с ним самим можно было делать всё что угодно.

А на утро у него закапало.

Как назло была суббота. Фёдор нашёл через знакомых еврея-венеролога, который иногда за деньги принимал пациентов у себя на квартире.

Жена забеспокоилась, когда он вернулся домой:

– Федь, тебе плохо, может быть, скорую вызвать?

– Не стоит, мне уже лучше.

– А что у тебя болит?

– Давление, мигрень. Я был у Кольки доктора. Он дал мне таблеток.

Лечение Фёдор проходил тайно на квартире доктора еврея, который делал ему уколы. В понедельник на работе не появился Карлин, взяв больничный. Фёдор не сомневался, что тот также пострадал от грязной распутной Зинки. А вот Сажин был на работе, как ни в чём не бывало.

– У тебя ничего не болит? – поинтересовался у него удивлённый Янушев.

– А что такое? – вопросом на вопрос отвечал Сажин, не вынимая папиросы изо рта. – Где у меня должно болеть?

– Да это я так. Просто спросил. Не обращай внимания.

А про себя Фёдор подумал: «Козлина сраная. Все из-за него заразились, а самому хоть бы хны. Организм у него что ли непробиваемый?»

Дома было сложнее всего. У Лидии был темперамент африканский. Она была алчна до плотской любви. Ей нужен был хотя бы недолгий минуты на три-четыре контакт, от которого она получала вагинальный оргазм. Никакие контрацептивы и презервативы она признавала.

Лидия была симпатична на лицо сероглаза и светловолоса. Фигура у неё была немного квадратна, а бёдра широки. Грудь была явно больше пятого номера. Характер у Лидии был настойчивый и строгий.

Первый раз после заражения Янушев откосил от близости, сославшись на мучительные головные боли. Второй раз наврал, что выдохся на работе после разгрузки строительных материалов.

Третий раз было сложнее. Фёдор нарочно долго не шёл в супружескую постель в надежде, что супруга уснёт первой. Он курил на балконе двадцать минут, потом столько же времени просидел в туалете. Заглянул в комнату, где они спали. Было темно. Лидия лежала под одеялом. Неужели уснула африканка? Надо бы ещё покурить, на всякий, пожарный минут на десять, решил Фёдор.

Он вошёл на кухню, свет не включал, полез на холодильник за пачкой сигарет, достал её. И свет на кухне зажёгся.

Фёдор уронил пачку на пол. На пороге кухни стояла Лидия в одной ночнушке.

– Что происходит, Федь?

– В смысле?

– У тебя кто-то появился? Не лги мне! Говори правду! Лучше жестокая горькая правда, чем сладкая ложь. Не бойся я тебе оставлю твой домик в деревне, заберу только квартиру, гараж и машину.

– О чём ты?

– Ты нашёл себе проשמандовку, которая отбирает у тебя все силы, что на меня уже ничего не остаётся.

– Где? Когда? Я же с работы сразу домой.

– На работе у тебя баб навалом.

– Какие там бабы? Одни кривые, косые да старые.

– А, если бы не кривые, не косые, не старые? Не устоял бы? Присунул бы разок-другой?

– Лид, не смешно уже.

– Раз не смешно – то быстро в постель.

Фёдор на гнущихся ногах поплёлся в комнату, разделся и полез под одеяло. Лидия обняла его, крепко прижала к себе, впилась в его губы, словно вампирша, потом резко перевернулась на спину, так что Фёдор оказался на ней сверху. Его возбуждённое естество скользило по бёдрам. Лидия ловко поймала его правой рукой и готова была уже ввести в своё лоно, когда Фёдор весь изогнулся назад, как кошка и закричал:

– А!

Лидия выползла из-под него. Фёдор, скорчившись лёг на бок, держась правой рукой за спину.

– Что с тобой, Феденька?

– Спина.

– Это всё из-за разгрузки стройматериалов. Какого хрена ты этим занимался. У вас что нет грузчиков или простых работяг? Я завтра пойду к тебе на работу и вставлю втык твоему начальнику.

– Не надо. Не сейчас.

Лидия побежала в прихожую вызывать по телефону скорую помощь.

Фёдора доставили в районную больницу. Была ночь. В приёмном покое к лежащему на кушетке Фёдору подошёл сонный доктор в очках тридцати пяти лет.

– Доктор.

Фёдор сразу ему сунул в руку три помятых красненьких – тридцать рублей, которые извлёк из кармана тренировочных.

– Не надо, не надо! – попятился доктор назад.

Купюры упали на пол.

– Доктор. Пожалуйста, возьмите. У меня ничего не болит, но мне надо спрятаться здесь хотя бы на пару недель. Я не могу вступать в близость с женой, а ей это нужно каждую ночь. Только не спрашивайте почему. Если вы не поможете – мне конец.

Фёдор слез с кушетки и упал на колени в ноги доктору.

– Я могу больше дать. Хотите сто рублей?

– Не надо, не надо ничего. Я помогу вам так и быть.

Фёдор лежал третий день в отделении травматологии в палате на шесть человек. У него было козырное место у окна. К нему пришёл Иннокентий с пакетиком яблок и бутылкой кефира.

– Как ты, Федь? – поинтересовался коллега, присаживаясь на край койки товарища.

– Хреново. Я договорился с доктором, чтобы мне делали нужные уколы, но он мне сообщил сегодня неприятную весть: на следующей недели меня придётся выписать, так как из Москвы приедет какая-то комиссия. У меня есть ещё шесть дней, чтобы что-то придумать. У тебя есть какие-нибудь идеи?

– У меня есть знакомый врач в психушке.

– Хочешь меня в психушку упрятать?

– Временно, пока не вылечишься.

– А потом меня обратно возьмут на работу завхозом после психушки?

– Не знаю.

– То-то же. Конец мне. Какой же я идиот. Увижу Карлина, сломаю ему нос.

– Он всё на больничном.

– Урод. Есть ещё какие новости с работы?

– Да ничего особенного. Так ерунда всякая: собирают бри-

гаду специалистов в Мозамбик.

- Мозамбик? Надолго?
- Года на два или три?
- А где этот Мозамбик находится?
- В Африке.
- Это шанс. Мне надо записаться туда.
- Ты же не геолог.
- Завхозы везде нужны.
- Там же не спокойно наверняка.
- Плевать.

И с больницы Янушев свинтил сразу же в командировку, объяснив жене, что его отправили по партийной линии, обещающая огромные деньги, на которые они обменяют свою квартиру на трёшку и купят Лидии две шубы: соболиную и норковую.

Прошёл месяц со дня пленения советских специалистов мозамбикскими повстанцами.

К президентскому дворцу на служебной серой «волге» подъехал советский посол Шепелев. Его проводили до кабинета Саморы, где тот встречал посла совместно с главой национальной службы народной безопасности Велозу, который сидел по правую руку от него и теребил нервно зелёный карандаш. Шепелев прибыл с нервным, худым, с птичьим лицом, сальными чёрными волосами и очками с крупными стёклами молодым переводчиком Лихутиным. Посол не знал португальского языка. Советские сели за стол приставленный к большому столу, за которым обосновались хозяева Мозамбика.

– Советское правительство озабочено тем, что власти вашей страны никак не могут найти наших геологов и других специалистов, захваченных в плен на руднике Морруа, – заявил Шепелев через переводчика. – И в свою очередь наши власти предлагают вызвать наших военных специалистов, которые смогут расправиться с боевиками и освободить наших людей.

– Мы делаем всё возможное, – заверил Самора.

– И невозможное, – добавил Велозу. – Мы сами рады принять ваших военных специалистов, но будет ли от этого

толк?

– Поясните, – попросил Шепелев.

– Ваша страна очень велика и мы все восхищаемся вашей мощью, но и Мозамбик не мал. Вдоль океана наша прибрежная территория занимает не меньше двух тысяч километров и это при относительно небольшой плотности заселения страны. Глубинные территории сложно контролировать из-за нехватки людей. Поверьте, у нас вполне себе хорошая мотивированная армия и спецслужбы. Они могут направляться к Малави или к Родезии. Я полагаю всё же к Малави – это ближе. На всех известных нам путях в эту сторону мы расставили засады. На одну из них они уже наткнулись, но удачно вышли из боя и отступили. Им не удастся пройти наши заслоны. Рано или поздно мы их поймем.

– Наши люди живы?

– Неизвестно. Повстанцев видели две недели назад в ста километрах от границы с Малави, тогда их видели живыми местные жители. Сейчас они бродят где-то внутри страны, ища выходы к границе с Малави или пути на юг. Менее вероятно – на север к другим повстанческим группам.

***

В сером водоёме разлеглись два ленивых бегемота, над которыми копошились насекомые и маленькие птицы. В ста шагах от этого места повстанцы с советскими пленными устроили привал. Ассане сидела на берегу, положив автомат на колени и глядела на воду. Услышав сзади шаги, она

обернулась. Это был Иван Скороспелов заметно истощённый, с золотой бородой. Он протянул Ассане цветок с продолговатыми красными лепестками и сел рядом. Девушка взяла цветок.

– Что это?

– У нас принято дарить девушкам цветы.

– Зачем?

– Это знак того, что девушка нравится мужчине.

– Спасибо. Ты странный белый.

Иван пожал плечами и улыбнулся.

– Непонятно куда мы идём. Уже целый месяц прошёл. Зачем мы вам нужны? – сетовал он.

– Это знает только наше командование. Вы враги, помогаете нашим врагам расхищать богатства нашей страны.

– Нет.

– Зачем тогда вы терзаете нашу землю, забирая из неё камни и разные вещества?

– Чтобы сделать вашу страну богаче. СССР не эксплуатирует другие страны. Мы против эксплуатации.

– Я знаю эту коммунистическую пропаганду.

– Это всё пойдёт на благоустройство вашей страны. Советский Союз на этом не поимеет ничего. Мы наоборот даём деньги на развитие дружеским странам.

– А потом Самора расправляется с неугодными и своими врагами с вашей помощью.

– Я честно ничего не знаю про ваши внутренние дела. Мне

жаль, если ваши власти ведут несправедливую политику.

– Что вы добывали на Морруа?

– Тантал.

– Что это?

– Редкоземельный металл.

– Зачем он нужен? Что из него потом сделают?

– Например, нити накаливания в лампочках. Ты видела электрические лампочки?

– Конечно. Ты думаешь, я совсем тёмная деревенщина.

Иван и Ассане заметили, что справа на них кто-то смотрит. В пятнадцати метра от них стоял у большого пушистого куста и наблюдал за ними Фролкин.

– Что ему надо? – спросила Ассане.

– Возможно, ты ему нравишься.

– Смешные вы белые.

– Мы не такие белые. Не такие, как португальцы.

Иван вернулся к своим. Был знойный день. Около лежащего на земле с закрытыми глазами Сергея сидел Алешков. Рядом находились Янушев, Улыбин и Ленивецев.

– Как он? – спросил Иван.

– Плох. Я думаю у него проблемы с желудком и пищеводом, – сообщил Алешков. – С таким питанием он долго не поправится. Один раз в день какая-то дребедень. Ему доктор нужен.

– Я уже говорил с этими бандитами о докторе, – сказал Улыбин. – Им, кажется, плевать: выживет он или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.